

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXIII ¹⁾.

ни шли за днями, іюнь уже приближался къ исходу, а Ибрагимъ все еще не возвращался. Положимъ, что путь туда былъ длиненъ и труденъ, такъ какъ вилайеть, куда отправилось мое письмо, находился за хребтомъ Антитавра у восточной границы Малой Азии съ Кавказомъ. Но сердце обыкновенно никогда не ладитъ съ разсудкомъ, а потому и мое нетерпѣніе находило себѣ оправданіе въ недостаткѣ логики.

Мною овладѣло дикое чувство: все перестало существовать для меня, точно жизнь проходила мимо, не касаясь моего вниманія. Я бродила цѣлыми днями, какъ тѣнь, ничѣмъ не хотѣла заняться, а призракъ вѣчной разлуки уже надвигался и леденилъ сердце.

Такимъ образомъ, любовь принесла мнѣ больше страданій, чѣмъ радости и свѣта; но, говорятъ, всему бываетъ конецъ: наступила неизбежная реакція, и когда я оглянулась вокругъ себя, то узнала, что грозовыя тучи уже заволакивали политическій горизонтъ, предвѣщая бурю, которая могла унести меня въ другую колею...

Не повезло бѣдному Мураду на оттоманскомъ престолѣ, и одно кровавое событіе за другимъ слѣдовали точно въ предписанномъ чьей-то непреложной волею строгомъ порядкѣ; рѣзня въ Болгаріи, объявленіе войны Сербіей и Черногоріей съ перемѣннымъ счастьемъ

¹⁾ См. „Русская Старина“, апрѣль 1912 г.

для турокъ. волненіе софть, угрозы державъ, непрерывныя вспышки мусульманскаго фанатизма съ христіанами на религіозной почвѣ—однимъ словомъ, розовыя надежды не оправдались, и будущее рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Въ концѣ іюня Сербія объявила Турціи войну; Черногорія немедленно присоединилась къ ней.

Отряды Хорватовича, а затѣмъ Лѣшанина въ первую же стычку были опрокинуты Керимъ-пашою у Княжеваца и переброшены на лѣвый берегъ Моравы. Зато къ маленькой Черногоріи судьба оказалась благосклоннѣе, надѣливъ ее лаврами побѣды въ неравной борьбѣ съ огромными силами Дервишъ-паши; имена славныхъ вождей геройскаго племени князя Николая и Божидара Петровича сдѣлались даже популярными на всемъ турецкомъ Востоку; но бѣшенному озлобленію, которое неудержимой лавиной изливалось иностранной печатью на Сербію, много способствовало прямое участіе русскихъ добровольцевъ въ дѣйствіяхъ противъ оттоманскихъ войскъ, а главное командованіе ея арміей нашимъ генераломъ. Всему, конечно, давали тонъ Англія и Австрія.

О, Боже мой, что же тутъ не было и чего не говорилось?! Въ какихъ ситуаціяхъ и позахъ не изображался славянскій герой! Его рисовали: на барабанѣ, на палочкѣ верхомъ, на спинѣ козла лицомъ къ хвосту, на штыкѣ башибузука и въ заключеніе посадили на колъ...

Исторія уже давно опредѣлила весь ходъ событій той интересной эпохи, а если я касаюсь здѣсь лицъ, отмѣченныхъ на ея страницахъ, то лишь по естественному праву cadaго добавлять и свои впечатлѣнія о тѣхъ, кого приходилось видѣть или знать тамъ, на мѣстѣ. У меня также сохранилось много курьезовъ изъ области прессы, руководимой въ тѣ времена британскимъ цензоромъ—возьмемъ хотя на выдержку меню завтрака, которымъ собирался угощать на Южномъ берегу Крыма адмиралъ турецкаго флота Гобартъ-паша князя Горчакова и генерала Игнатъева. Перевожу буквально съ англійскаго текста: 1) „Росбифъ—шапка; 2) макароны—кнутъ; 3) кабанья голова, фаршированная турецкими пулями à la Княжеваць; 4) спаржа—казацкія пики; 5) самоваръ (?); 6) десертъ: сальныя свѣчи и водка.

Здѣсь читатель, вѣроятно, подумаетъ: „ахъ, опять та же сказка про бѣлаго бычка: кнутъ, свѣчи, казаки! Но „росбифъ—шапка“—это еще что?“

Вотъ я и веду къ тому рѣчь, чтобы объяснить, гдѣ именно заключалась соль остроумія автора меню. Дѣло было такъ: однажды генералъ Игнатъевъ, какъ рассказывали люди, близко стоявшіе къ

нему, оспаривая доводы сэра Эліотта, утверждавшаго, что турецкая армія по численности и боевымъ качествамъ составляла замѣтную величину даже въ Европѣ, возразилъ ему якобы слѣдующее: „ну этихъ оборванцевъ съ ихъ башибузуками мы и шапками закидаемъ“. Печать, конечно, подхватила, разукрасила небылицами, и летучее словечко, такимъ образомъ, стало ходячимъ изреченіемъ.

Но развѣ только это? Вся атмосфера тогда была захвачена политическими сплетнями и злобной, яростной клеветой на Россію, при чемъ не брезгали положительно никакими средствами, лишь бы затемнить истину: достаточно упомянуть, что газетные писаки наперекоръ стихіямъ отрицали даже фактъ избіенія башибузуками христіанъ въ Болгаріи, называя его легендой русской дипломатіи—однимъ словомъ, выходило такъ, что болгары сами себя рѣзали, чтобы досадить Англіи и Австріи...

Впрочемъ, оставимъ пока эту щекотливую тему, а иначе по невольному сцѣпленію идей я могу зайти въ такія дебри мудреныхъ комбинацій, что выбраться оттуда мнѣ будетъ уже не подъ силу.

Промелькнулъ и знойный іюль, но Ибрагимъ не вернулся съ желаннымъ отвѣтомъ, такъ какъ его перечислили въ Малоазіатскій низамъ, гдѣ онъ и остался.

Къ тому времени въ моей душѣ совершился незамѣтно громадный переломъ, а жизнь потянула къ новымъ впечатлѣніямъ—такова уже природа человѣка!

И вотъ, оплакивая погибшую мечту, я невольно ловила себя на томъ, что все якобы дѣлается къ лучшему: это, конечно, давало мнѣ иллюзію и другое настроеніе. Тогда волшебнымъ образомъ блѣднѣлъ и удалялся, какъ это бываетъ иногда въ первую минуту пробужденія отъ глубокаго сна.

Въ началѣ августа мы собрались на нѣсколько дней въ Константинополь, чтобы повидаться съ братомъ Магіе, директоромъ Оттоманскаго банка, гдѣ хранилась часть капитала моего дяди въ турецкихъ бумагахъ, о которыхъ необходимо было позаботиться вслѣдствіе того, что ожидали сильнаго паденія ихъ на биржѣ; но по пути намъ пришлось заѣхать еще въ Смирну и остаться тамъ до слѣдующаго рейса.

Нашъ компанейскій пароходъ „Цесаревна“ бросилъ якорь и подалъ сигналъ. Въ обширной бухтѣ, наполненной всегда торговымъ движеніемъ судовъ подъ флагами всѣхъ государствъ въ мірѣ, теперь царила какая-то необычайная суматоха.

Нѣсколько турецкихъ военныхъ транспортовъ разводили парь и готовились къ плаванію. Великое множество шлюпокъ, баркасовъ,

лодокъ, арабскихъ фелукъ длинными вереницами тянулись къ ихъ бортамъ съ грузами и лошадьми.

На громадномъ пространствѣ береговой линіи, колыхаясь, рокотала подобно океану въ часы прилива несмѣтная толпа народу— издали казалось, что все населеніе города собралось къ морю.

— Что такое? что случилось у васъ?—спрашиваютъ пассажиры комиссіонеровъ, забиравшихъ вещи съ палубы, чтобы перевезти ихъ въ гостиницу.

— Изъ дальнихъ вилайетовъ прибываютъ сегодня части низама и редифа съ конницей башибузуковъ, для отправленія на Балканы— война съ Россіей!—отвѣчаютъ имъ.

Мы взяли каккъ и съѣхали на берегъ. Здѣсь насъ встрѣтили родственники моей тетушки, увѣдомленные телеграммой, а также друзья и знакомые.

Смирна по-турецки „Исмиръ“, какъ уже говорилось выше, носитъ типичную фізіономію большого коммерческаго порта, являя собою главный центръ малоазіатской торговли между Востокомъ и Западомъ. На ея улицахъ вѣчный калейдоскопъ племенъ и народностей, собравшихся сюда, какъ на базаръ, со всѣхъ концовъ земного шара для эксплуатаціи страны, богатствомъ которой они безраздѣльно пользуются, не встрѣчая къ тому ни малѣйшихъ препятствій со стороны деспотическаго режима султанскаго правительства.

Мы направились къ дому, выходившему окнами на широкую гранитную набережную; проталкиваясь впередъ сквозь густую массу людей, я съ невольнымъ любопытствомъ прислушиваюсь къ говору. Вотъ оживленно бесѣдуетъ кучка левантинцевъ о злобѣ дня.

— Плохи дѣла Россіи! И куда только лѣзетъ со своими бѣлыми медвѣдями и сальными свѣчами—вѣдь Турція пойдетъ не одна: за ея спиной Англія!—горделиво заявляетъ мѣстный британецъ.

— Ну, такъ ей и надо—забыла, отъ кого приняла вѣру и цивилизацію! отлично безъ нея управились бы съ проклятыми болгарями,—говорятъ наши друзья греки, всей душой ненавидящіе славянъ больше, чѣмъ мусульмане.

— Пошли, Господи, чтобы ее хорошенько растрепали—заберемъ Кавказъ!—молятся о побѣдѣ турецкаго оружія армяне.

— Гобартъ-паша уже приготовилъ мѣрку самаго лучшаго крупнаго овса, чтобы угостить имъ въ севастопольской конюшнѣ во славу русскаго флота, какъ въ 54-мъ году эту старую лошадь, князя Горчакова!—надрываясь отъ хохота, выкрикиваетъ бравый морякъ съ французскаго авизо, стоявшаго въ гавани. Взрывъ не-

обычайнаго веселія слѣдуетъ за тѣмъ. И ни одного, рѣшительно ни одного слова доброжелательства къ намъ!..

Передавая сейчасъ отрывочныя уличныя сужденія толпы, мнѣ кажется, я не ошибаюсь, утверждая, что этого вполне достаточно для иллюстраціи настроеній и чувствъ, которыми охвачена была разноязычная масса христіанскаго населенія въ Турецкой Имперіи передъ кампаніей 1877 года.

Какъ ни грустно сознаться въ томъ, но фактъ останется фактомъ...

Вдругъ стали доноситься звуки барабанной дробі: море чело-вѣческихъ головъ заколыхалось, разговоры умолкли, и вотъ изъ прилегающихъ къ набережной улицъ начали выходить полки низама.

Стройными рядами, свободные въ движеніяхъ, чуждые автоматической выправки, широкимъ, вольнымъ шагомъ въ ногу проходили рослые солдаты, веселые, довольные, точно отправляясь на парадъ.

— Башибузуки!! башибузуки!—раздались тревожные выкрики, и все перемѣшалось тогда въ одинъ хаотическій шумъ. Напоромъ толпы меня отбросило въ сторону, а затѣмъ вынесло дальше, и я увидѣла себя прижатой у входа въ какой-то ресторанъ, гдѣ подъ навѣсомъ изъ живой зелени за разставленными прямо на улицѣ столиками дѣловая публика пила свой утренній кофе.

Къ счастью, здѣсь оказалось много знакомыхъ; одинъ изъ нихъ австрійскій вице-консулъ, Крамеръ, немедленно взялъ меня подъ свою защиту. Вскорѣ, однако, тѣмъ же потокомъ живой рѣки и еще нѣсколько дамъ были занесены также сюда; но изъ предосторожности хозяинъ гостиницы устроилъ насъ во второмъ этажѣ на балконѣ, откуда мы безъ всякихъ опасеній могли наблюдать интересное зрѣлище.

Вотъ показались банды редифа и стали дефилировать мимо, направляясь къ пристани. Внушительными казались только зейбеки въ огромнѣйшихъ тюрбанахъ, съ цѣлымъ арсеналомъ оружія за широкими поясами и длинными мушкетами въ рукахъ—на бедрѣ у каждаго висѣла кривая сабля. Они шли подъ командой турецкихъ офицеровъ, на которыхъ не обращали ни малѣйшаго вниманія, отставая, разбѣгаясь и безобразничая по пути.

Курды и лазы представляли собой беспорядочныя кучки оборванцевъ, живописныхъ даже въ лохмотьяхъ; бедуины красиво драпировались въ широкіе бурнусы; наши сородичи, черкесы, поражали чрезвычайно неряшливымъ видомъ своего обмундированія: на нихъ были до невѣроятія грязные, бараньи тулупы, а клочки тряпокъ вмѣсто папахъ украшали ихъ головы.

На моихъ глазахъ разыгралась такая сценка.

За однимъ изъ столиковъ внизу подъ нашимъ балкономъ сидѣлъ мѣстный коммерсантъ, нѣкто Джонъ Гарди, очень толстый, флегматичный англичанинъ и, заложивъ ногу за ногу, съ полнѣйшимъ равнодушіемъ пилъ свой портеръ.

Вдругъ изъ партій зейбековъ, проходившихъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ ресторана, выбѣжалъ настоящій атлетъ, косая сажень въ плечахъ и остановился передъ мистеромъ Гарди.

— Это мнѣ не нравится!—заоралъ великанъ, хлопая ладонью по колѣнямъ невозмутимаго Джона:—такъ не сидятъ въ присутствіи воиновъ падишаха!

Толстякъ даже не шевельнулся, считая, вѣроятно, ниже своего національнаго величія беспокоить себя ради нелѣпыхъ претензій какого-то разбойника. Но малоазіатскій Рокамболь не унимался, заставляя упрямаго брита переменить позу, на что послѣдній отвѣтилъ лишь презрительнымъ взглядомъ и закинулъ ногу еще выше.

Однако, случилось то, чего никакъ не ожидалъ гордый сынъ Альбіона: моментъ, и силачъ, точно играя въ бильбоке, подбросилъ его, какъ мячикъ, выше своей головы, а затѣмъ при бѣшенномъ взрывѣ хохота публики съ комической осторожностью усадилъ ошеломленнаго британца на прежнее мѣсто.

Намъ рассказывали въ Константинополѣ, что инцидентъ съ мистеромъ Гарди былъ предметомъ запроса англійской дипломатіи къ Высокой Портѣ и требованія указать виновнаго; но такъ какъ это значило все равно, что если бы вздумали искать въ полѣ вѣтра или слѣдовъ улетѣвшей за моря птицы, то Рушди-паша, всегда находчивый, далъ отвѣтъ въ слѣдующей редакціи: „дерзкій уже несетъ плоды возмездія въ глубинѣ своего сердца“...

И торжественно и растяжимо—понимай, какъ хочешь, молъ! Впрочемъ, сэръ Элліотъ остался вполне доволенъ распорядительностью турецкаго администратора...

Даровому спектаклю, которымъ угостилъ насъ „остроумный“ башибузукъ, суждено было имѣть весьма интересный финалъ: изъ другой банды редифа отдѣлился еще болѣе свирѣпаго вида Геркулесъ и направился бѣглымъ шагомъ прямо въ нашу сторону.

Поднявъ случайно кверху голову, онъ замѣтилъ меня, а рядомъ со мной нѣсколькихъ дамъ, также приглашенныхъ на балковъ.

Зейбекъ остановился, точно пораженный удивительнымъ для него зрѣлищемъ, и вдругъ, совершенно неожиданно, принялся осыпать насъ такими любезностями:

— Эй, вы, гуріи христіанскаго рая,—кричалъ онъ во все горло, размахивая кулаками:—чего повылѣзли изъ щелей и норъ, какъ тараканы, да еще уставились на мужчинъ — сію минуту маршъ по гаремамъ, а иначе я васъ!...

Съ этимъ восклицаніемъ онъ сорвалъ съ какого-то франта щегольскую панаму и швырнулъ ею въ нашу компанію.

Мы, конечно, не замедлили исполнить его желаніе и тотчасъ же убѣжали въ комнаты.

Таково было начало гастролей буйныхъ сыновъ Тавра, а продолженіе ихъ видѣли уже болгары.

Г л а в а XXIV.

Въ августѣ Черняевъ успѣлъ нѣсколько оправиться отъ жестокихъ пораженій въ началѣ кампаніи и вернуться къ берегамъ Моравы. Здѣсь борьба сторонъ уже продолжалась съ переменнымъ успѣхомъ. Этому, конечно, посодѣйствовалъ значительный приливъ нашихъ добровольцевъ въ сербскую армію. Но въ полосѣ военныхъ дѣйствій между черногорцами и Мухтаръ-пашою картина рисовалась въ другомъ освѣщеніи, и счастье улыбалось маленькому, геройскому племени: въ іюлѣ отрядъ воеводы Божидара Петровича, переступивъ границы Босніи, разбилъ турецкія полчища, захвативъ даже въ плѣнъ двухъ пашей. Такая несравненная отвага борцовъ съ Черной Горы вызвала единодушное восхищеніе Европы, но не приносила имъ ни малѣйшей пользы, озлобляя еще болѣе враговъ славянства, а кончилось тѣмъ, что въ отместку за триумфъ устроили кровавую бойню въ несчастной Болгаріи. Ни для кого не было тогда секретомъ, что именно либеральная партія, руководившая убійствомъ Абдуль-Азиса, направляла свирѣпыя банды малоазіатскаго редифа на христіанъ. И вотъ, такимъ образомъ, новые люди, ставшіе у руля государственной власти, обѣщая зорю прекрасныхъ дней и скрываясь подъ маской высокопарныхъ пышныхъ тенденцій, дѣйствовали заодно въ полнѣйшемъ согласіи съ тѣми же башибузуками.

Къ тому времени Турція нѣсколько осложнила свое и безъ того запутанное международное положеніе убійствомъ въ Салоникахъ двухъ консуловъ, французскаго и германскаго; но это ей великодушно простили, въ счетъ будущей расплаты не поставили, такъ какъ всѣ усилія европейской дипломатіи клонились лишь къ тому, чтобы заставить насъ подрагаться и уйти съ береговъ Босфора къ устьямъ Дуная.

Слѣдующимъ рейсомъ мы отправились въ Константинополь. Нашъ пароходъ запоздалъ почему-то въ пути и бросилъ якорь въ глубину Золотого Рога, когда послѣдній лучъ соляца уже догоралъ на высочайшихъ точкахъ необъятной панорамы Царьграда.

По существующему правилу иностраннымъ судамъ въ Босфорѣ не даютъ практики послѣ вечерней зари, вслѣдствіе чего мы оставались до утра на рейдѣ.

Нашъ прїездъ въ столицу Оттоманской имперіи весьма удачно совпадалъ для меня съ кануномъ торжества Курбанъ-Байрама и, такимъ образомъ, предстояло видѣть очень интересное зрѣлище.

Я уже говорила о подвижности мусульманскаго календаря сообразно фазамъ луны, а потому въ зависимости отъ начала года всѣ праздники Ислама также перемѣщаются изъ одного сезона въ другой; но опредѣленно этотъ байрамъ всегда бываетъ на 10-й день мѣсяца Дзулгаше и по своему важному значенію соответствуетъ нашей Пасхѣ.

Едва только удары пушекъ съ высотъ Топхане возвѣстили „акшамъ“, т. е. закатъ, какъ волшебная декорация праздника уже развернулась надъ грандіознымъ амфитеатромъ Константинополя: весь онъ засіялъ, отражаясь въ прозрачномъ Босфорѣ свѣтовыми эффектами иллюминаціи и пиротехники. Вотъ его картина: по берегамъ двухъ материковъ Европы и Азіи тянутся огненные ленты плашекъ; военные корабли и вся громада торговаго флота украсились гирляндами разноцвѣтныхъ фонариковъ; съ холмовъ Стамбула взлетаютъ къ облакамъ ракеты; здѣсь, тамъ, повсюду шипитъ бенгальскій огонь и жгутъ фейерверкъ; но меня чаруетъ болѣе всего видъ освѣщенныхъ минаретовъ: въ глубокой тьмѣ южной ночи ихъ очертанія скрыты отъ глазъ, а горящіе вокругъ балкончиковъ ряды шкаликовъ создаютъ удивительно прелестную иллюзію, какъ будто между небомъ и землей висятъ золотыя, блестящія кольца.

Я проснулась очень рано въ душной каютѣ и вышла на верхнюю площадку, чтобы освѣжиться. Рейдъ уже былъ наполненъ звуками и движеніемъ: необозримое множество канковъ, шлюпокъ, парусныхъ лодокъ, грузовыхъ баржъ по всѣмъ направленіямъ рѣзали синюю воду; въ дымакахъ туманныхъ испареній качался на волнахъ цѣлый лѣсъ мачтовыхъ судовъ; гремѣли выстрѣлы Езана ¹⁾ и будили правовѣрныхъ къ молитвѣ; точно задернутые голубымъ тюлемъ берега просыпались навстрѣчу первымъ лучамъ восхода, и шумъ жизни необъятнаго города захватывалъ дремавшую атмосферу.

Вскорѣ намъ разрѣшили подчалить ближе къ Галата, и паро-

¹⁾ Восходъ солнца.

ходный свистокъ еще не успѣлъ закончить своей тягучей, оглушительной трели, возвѣщая о прибытіи, какъ уже мы были взяты на abordажъ несмѣтной флотиліей Константинопольскихъ „пиратовъ“: не ожидая трапа, словно обезьяны, цѣплясь ногтями за что ни попало, карабкаются эти господа на палубы и рубки, вступая даже въ рукопашную съ матросами, толкавшими ихъ обратно за борта; но ничто не дѣйствуетъ: легионы комиссіонеровъ раздають пассажирамъ карточки, снимки магазиновъ, ресторановъ, афиши увеселительныхъ заведеній и пр. Швейцары отелей лѣзутъ, бѣдные, изъ кожи; гиды разнообразныхъ типовъ и видовъ клянутся, что туристы погибнутъ безъ нихъ въ Константинополь; армія продавцовъ всякой дряни предлагаетъ купить античные предметы, якобы найденные въ развалинахъ Ефеса; здѣсь же шныряютъ проводники лошадей, хамалы, банщики, парикмахеры, кафеджи, чибукчи — словомъ, нѣтъ рода занятій, представитель котораго не явился бы сюда. Идетъ суматоха великая! Слышна рѣчь на всѣхъ языкахъ, и надо думать, что въ дни вавилонскаго столпотворенія было куда больше порядку, чѣмъ въ минуты прибытія иностранцевъ въ гавань Золотого Рога.

Но это все ничего—самое интересное еще впереди.

Якори, наконецъ, брошены, трапъ спущенъ, и что затѣмъ происходитъ — изобразить на бумагѣ невозможно: были даже моменты, когда такъ и казалось, что вотъ-вотъ насъ разорвутъ въ клочки.

И дѣйствительно, едва только злополучный пассажиръ достигаетъ нижней площадки сходней, а уже десятки рукъ перевозчиковъ тянутся къ нему: начинается потасовка, арабская, турецкая брань, крикъ, гвалтъ и въ заключеніе его швыряютъ на дно какой-нибудь лодки. Съ дамами еще того хуже: ихъ просто безъ всякой церемоніи хватаютъ съ трапа, перекидываютъ какъ свертки и везутъ къ таможи, а потому нерѣдко случается, напримѣръ, что мужъ уплываетъ въ одной шлюпкѣ, жена въ другой, дѣти, багажъ еще съ кѣмъ-либо и т. д. „Сейчасъ пристань — тамъ и разберетесь“, — хладнокровно отвѣчаютъ на всѣ протесты.

Я также попала къ чужую компанію, хотя все обошлось какъ нельзя лучше. Но вернемся къ Байраму.

Праздникъ этотъ установленъ Магометомъ въ память жертвоприношенія Авраамомъ не Исаака, какъ гласитъ библія, а Измаила, сына Агари, отъ котораго арабы ведутъ свое происхожденіе.

Религіозный обрядъ Курбанъ-Байрама заключается въ слѣдующемъ: послѣ утренняго богослуженія каждый мусульманинъ, не исключая даже султана и высшихъ сановниковъ, обязанъ собственно-

ручно заколотъ ягненка, а жертвенное мясо предоставить кому угодно взять себѣ.

Обыкновенно церемонія жертвоприношенія совершается гдѣ-нибудь за городомъ по преимуществу на холмѣ или на вершинѣ горы.

Толпы бѣдняковъ, нищихъ, въ большинствѣ христіане, заранѣе приходятъ къ извѣстному мѣсту и уносятъ колотыхъ животныхъ.

Всѣ четыре дня Байрама проводятся очень шумно въ Константинополь: пять разъ въ сутки муэдзины призываютъ правовѣрныхъ въ мечети, что возвѣщается грохотомъ 101 пушечнаго выстрѣла.

Нарядныя группы женщинъ снуютъ по улицамъ, направляясь за городъ къ монастырямъ дервишей за благословеніемъ или же въ роскошный паркъ Анадоли-Хиссаръ съ его вѣковыми платанами—любимое мѣсто прогулки турецкихъ дамъ; но мужчины предпочитаютъ всему кладбище въ Скутари, гдѣ подъ тѣнью густыхъ кипарисовъ на зеленыхъ лужайкахъ они располагаются, какъ у себя дома.

Съ тѣмъ же торжественнымъ блескомъ празднуется и другое важное событіе въ исторіи Ислама, вознесеніе Пророка на небо. Тамъ онъ, какъ рассказывала мнѣ Элиме, прежде всего усѣлся на серпъ луны, а на мой вопросъ: зачѣмъ? объяснила, что по интригамъ дракона были нарочно затеряны ключи отъ рая; но командированный на розыски архангелъ Гавріилъ принесъ ихъ вскорѣ обратно.

Къ моему глубокому разочарованію на церемонію Селямлика Мурадъ V не прибылъ: хотя печать упорно замалчивала фактъ, но тѣмъ не менѣе вездѣ уже ходили зловѣщіе слухи, что онъ, и прежде не совсѣмъ нормальный, съ каждымъ днемъ слабѣлъ, обнаруживая признаки полнѣйшаго разстройства душевныхъ силъ.

Такъ или иначе, а участь несчастнаго султана уже была предрѣшена, и замѣстителемъ его общественное мнѣніе называло сына покойнаго Абдуль-Азиса Юсуфъ-Изединъ-эфенди; но судьба въ лицѣ роковаго генія славянства, еврея Дизраэли, распорядилась, какъ извѣстно, совсѣмъ иначе...

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

